

бы умственно зримая картина неподвижной вещи — суммы, внутри которой происходят те или иные различия или отождествления.

§ 117. Умножение и деление.

1. а) Совсем иначе обстоит дело в *умножении* и *делении*. Множимое и множитель, делимое и делитель различаются здесь не просто количеством, как могут различаться между собою слагаемые в сумме. Множимому и множителю принадлежат совершенно разные роли в общей операции умножения, как соответственно делимому с делителем. В сложении каждое слагаемое сохраняет свою индивидуальность, и роль всех слагаемых в общей сумме совершенно равноправная, кроме единственного — чисто количественного — различия. В умножении же *свою полную индивидуальность сохраняет только множимое*. Только о нем и идет тут разговор, и только о его судьбе и трактует умножение. Множитель здесь не имеет самостоятельного значения. Речь идет не о нем, но о множимом. Множитель только показывает, что случается или должно случиться с множимым.

б) Множитель — инобытие множимого не просто в количественном отношении, как, напр., 3 есть инобытие в отношении 2. Множитель не есть такая форма, которую мы отличили от всякой другой формы внутри данного числа. Такое простое отличие привело бы просто к фиксации того, что в десятке содержится, напр., шестерка и четверка, т. е. к операции сложения или вычитания. Множитель обозначает совсем другое.

с) Он, во-первых, не есть нечто просто внешнее или просто внутреннее в отношении множимого. Множимое есть цельная индивидуальность, и ни о каких ее внутренних различиях тут не ставится ровню никакого вопроса. Множитель указывает на судьбу *всего* множимого, множимого, взятого вне своих частей, как совершенно неделимая цельность. Стало быть, *множитель не есть только внешнее инобытие множимого*. Он указывает, что именно случится с множимым, когда оно остается внутренне неизменным, и что произойдет, если его поместить надлежащим образом в совершенно новую для него среду.

д) Во-вторых, как берется это внешнее инобытие, символизированное в виде множителя? Может быть, оно, оставаясь внешним, хотя бы в качестве внешнего мыслится здесь как равноправное с множимым? *Нет, нисколько*. В то время как множимое взято с полнотой своей индивидуальности, множитель указывает только, сколько раз взято это множимое со всей своей индивидуальностью. Индивидуальность самого множителя остается совершенно в тени, и он выступает только с своей скучной и формальной функцией быть вехой по пути движения множимого. Он берется только *как чистое инобытие*, ибо инобытие чего-нибудь, если оно берется в чистом виде, есть полная противоположность этого «чего-нибудь», т. е. полная противоположность его смысла, оно есть не *смысл* «чего-нибудь», а *факт* его. Факт, взятый в чистом виде, когда неизвестно, *чего* он факт, есть полная бессмыслица и противоположность смыслу. И реально факт *осмысленный* содержит в себе некий смысл, но зато он и не есть чистое инобытие смысла; это, наоборот, соединение и синтез смысла

и инобытия смысла. Как действует множитель? Как осмысленное множимое или как его чистое инобытие?

Не может быть никакого сомнения в том, что *ровно ничего не содержится во множителе из индивидуальности множимого* и что множитель есть чистое инобытие множимого. Множитель есть *факт* множимого, суждение не о смысле множимого, но о его факте. Множитель показывает, *сколько раз взято* множимое, сколько раз оно *положено, сколько фактов множимого* желательно взять. Итак, в множимом число взято как полное и настоящее число, с полнотой своей индивидуальности, во множителе же взято число только в функции формального полагания, утверждения факта, и больше ни с какой стороны он не интересуется операцией умножения.

2. Итак, множимое есть то, что в этой операции сохраняет полноту инобытийности, множитель же есть то, что лишь формально воспроизводит субстанцию множимого в иноприродной среде, в инобытии. Множитель есть форма инобытия, *внешнего* в отношении множимого. Если сложение есть такая энергия числа, которая сжимает и стягивает разные, но равноправные числовые индивидуальности в одну единую, нераздельную индивидуальность, то умножение есть такая числовая энергия, которая обладает силой *воспроизводить* одну и ту же числовую индивидуальность в среде, ее окружающей. В сложении речь идет о стольких индивидуальностях, сколько дано слагаемых; в умножении же речь идет только об одной индивидуальности, той, которая символизирована в множимом. Вычитание демонстрирует, что в одном числе возможны разные другие числа и что эти числа, будучи такими-то, имеют все одинаковое право на существование и обладают каждое своей собственной индивидуальной природой. Деление же демонстрирует тот интересный факт, что данное число как некая определенная индивидуальность, если учесть тот путь, по которому оно развивалось, сводится к другому, более элементарному числу, являющемуся исходной точкой этого развития, той единственной и подлинной индивидуальностью, которая только и имеется тут в виду и которая претерпела ряд изменений с момента равенства частному до момента равенства делимому. Никакой другой числовой индивидуальности деление не знает.

Итак, в сложении и вычитании ударение лежит на числах, *поскольку они даны в своем внутреннем инобытии* и самостоятельны — при внешнем противостоянии (отсюда их равноправие), в умножении же и делении ударение лежит на числах, *поскольку они даны во взаимно-внешнем инобытии* (отсюда существенное неравноправие множимого и множителя). Можно сказать и так, что если сложение и вычитание есть некий *тезис*, то умножение и деление есть *антитезис*. В первой паре операций мы имеем дело с внутренним инобытием и его *внешним* сопряжением, во второй — с внешним инобытием чисел, вступающих в некоторое внутреннее взаимопределение, т. е. в условиях *внутреннего* роста одного из таких чисел. Еще можно сказать и так. Поскольку внутреннее инобытие числа и само число есть одно и то же (так как внутреннее содержание числа и есть само число), то в сложении

и вычитании имеется в виду энергия числа *самого по себе*, взятого именно как число (если брать сумму); в умножении же и делении, где смысловое ударение переходит на внешнее инобытие, т. е. на число в его внешне-[ино]бытийном воплощении и существовании, имеется в виду не энергия числа самого по себе, но *энергия числа в его внешнем инобытии*. В такой формулировке совершенно ясным становится то, что умножение и деление есть диалектический антитезис сложению и вычитанию.

3. В умножении происходит воспроизведение числа в окружающем его инобытии и *отождествление* воспроизведенных его форм, как и в сложении происходит отождествление различных форм числа, хотя и различных уже в другом смысле, не в смысле внешнего воспроизведения, но в смысле внешнего противоположения. В делении же происходит сведение данного числа к тому, в результате внешнего воспроизведения которого появилось данное число, и *различение* определенного количества этих воспроизведений. Не зная точного количества этих воспроизведений, нельзя было бы произвести и вышеуказанное сведение, как и в вычитании, не зная определенной формы различения в пределах данного числа, невозможно получить и самих различных чисел, т. е. от уменьшаемого перейти к разности.

4. а) Произведя эти общее описание действий умножения и деления, попробуем применить сюда структурный принцип § 115, п. 4.

Прежде всего, каков *категориальный* принцип этих действий? Раз у нас шла речь о воспроизведении числа в его инобытии, то ясно, что мы тут оперируем с категорией *движения*. Как только число *двинется* со своего места, так это и будет значить, что оно воспроизводится в своем инобытии. Но конечно, это не значит, что движение тут происходит без всякой остановки. Воспроизводясь в своем инобытии, число где-то и перестает воспроизводиться, и достигнутый результат становится стабильным. Поэтому выше мы и формулировали категориальный принцип обоих действий как такое взаимоотношение двух становлений, когда они переходят друг в друга в порядке категории подвижного покоя.

Теперь перейдем к структурному принципу. Что такое *бытие* упомянутого подвижного покоя двух или нескольких отрезков становления? Это есть самое воспроизведение множимого или дробление делимого. Что такое его *инобытие*? Это переход от процесса воспроизведения (или низведения) к воспроизведенному. *Становление* сосчитывает в нем единицы, а ставшее дает стабильный результат — произведение или частное. Выразительно-эманативная *энергия* умножения есть [знак] \times , и она же деления есть [знак] $:$

б) Отсюда и формулы.

Умножение есть смысловая энергия разных становлений, переходящих одно в другое в порядке подвижного покоя в целях взаимовоспроизведения.

Деление есть смысловая энергия разных становлений, переходящих одно в другое в порядке подвижного покоя в целях воспроизведения одного в пределах другого.

5. В сложении и вычитании все представители созерцаемого бытия даны в готовом виде, и мы только должны их фиксировать, созерцая, как они сплетаются или расплетаются в разные единства. В умножении и делении мы являемся свидетелями того, как рождается само число, как оно воспроизводится, как оно внутренне растет. Тут дано только одно число; и мы созерцаем, как оно переходит в инобытие и там, в этом инобытии, растет и увядает. В умножении не даются готовые числа, как в сложении. Наоборот, само умножение есть операция воспроизведения числа и его нового рождения. В умножении число выходит из самого себя, из своей чисто внутренней самораздельности и, забывая себя, свою внутреннюю раздельность, устремляется вдаль как целое, как таковое, в своей целостной субстанции, покамест внешнее инобытие, обусловившее этот переход, само же не поставит предела этому устремлению. Сложение и вычитание — пассивно-зрительны; они как бы картина вещи, умственное представление вещей. Умножение и деление активны. Эти операции не зрительны и не картинны, но активно-мускульны, они нечто утверждают, твердо полагают, устанавливают. В сложении и вычитании субстанции чисел мыслятся уже данными, их кто-то установил и формулировал, и остается только *посмотреть* картину их совместного существования. В умножении и делении дано только одно число, и больше ничего не дано; и мы не видим, а как бы мускульно осязаем напор и силу новых утверждений и полаганий этого числа и присутствуем при его первичном рождении в инобытийной пустоте. В умножении и делении не остается неизбежной субстанции чисел, как в сложении и вычитании, не остается неподвижным тот экран и фон, на котором выступают фиксируемые нами числа.

Тут затрагивается судьба самой этой субстанции числа; и ставится вопрос о том, как она будет внутренне вести себя, если ее перевести со старого и привычного ее экрана на новый экран и на новый фон, во внешнее, совершенно чуждое ей инобытие. В сложении и вычитании числа лежат, как готовые шары на столе, и нужно только их пересчитать; в умножении же и делении дан только один шар и дано определенное количество материала (напр., дерева, глины и пр.), из которого можно сделать еще несколько таких шаров; и вот — мы делаем эти шары, тождественные с данным шаром; и уже потом сосчитываем все полученные шары, когда данный материал будет исчерпан. Там шары делали не мы, не тот, кто складывает и вычитает, и притом шары эти были совершенно разные, из разного материала и разной величины. Здесь же шары делаем именно мы, т. е. тот, кто умножает и делит; они создаются в процессе самой этой операции умножения и деления; и создаются они как точнейшая копия, и качественно и количественно, первоначального шара, так что здесь нужно говорить, собственно, не о разных шарах, но о воспроизведении одного и того же шара в данном (и притом количественно определенном данном) инобытийном материале. Это и значит, что умножение и деление есть энергия числа в его внешне-инобытийном существовании, отождествление и различение его внешне-инобытийных воспроизведений, но так, что при этом растет и убывает внутреннее содержание данного числа.

6. Можно в результате всего двояко формулировать диалектическую антитезику сложения и вычитания, с одной стороны, и умножения и деления — с другой. Можно, во-первых, признать, что в первой паре арифметических действий даны внешне-инобытийные (в идейном смысле) друг в отношении друга числа, и ищется такое число, в котором они сливаются в одно внутренне-единое содержание и идею нового числа. Тогда умножение и деление будут предполагать одно и единственное число, которое будет так или иначе внутренне меняться в зависимости от его внешнего воспроизведения. Значит, в этом толковании антитезы сложение и вычитание есть нечто внутреннее, идея, а умножение и деление есть нечто внешнее, инобытие и факт, воспроизведение идеи.

Но можно, во-вторых, сложение и вычитание понимать как нечто фактически внешнее, упирая на внешнюю взаимно-инобытийность слагаемых. Тогда умножение и деление окажутся чем-то внутренним, поскольку речь идет тут о росте одного и того же (по факту) числа или об убыли (делении) одного и того же числа. По существу это — одна и та же антитеза, выраженная различно — только с разных точек зрения. В первом случае дано внутри-идейное различие (слагаемые) и оно исчезает в общем тождестве, также идейном (сумма), и тогда умножение и деление есть уже переход от идеи к факту, к инобытию идеи, к фактическому воспроизведению идеи. Во втором случае даны сначала внешне различные субстанции, *факты* и сливаются они в нечто единое, тоже фактическое (сумма), но тогда умножение и деление необходимо интерпретировать как *идейное* наполнение и убыль одной и той же субстанции.

Различие этих толкований ничего особенного собою не представляет. Раз в диалектике две категории связаны диалектико-антиномически, то их всегда можно взаимно переставить. Если есть бытие и есть инобытие, то ровно ничего не изменится, если мы инобытие будем трактовать как бытие, а бытие — как инобытие.

§ 118. Возведение в степень, извлечение корня и логарифмирование.

1. Всякая вещь есть некий факт, и всякая вещь имеет некий смысл, или идею. Она есть осмысленный факт и осуществленная идея. Если отнять у вещи факт, она превратится в чистую идею и, следовательно, перестанет существовать; и если отнять у вещи ее идею, смысл, она перестанет быть самой собой и превратится в бессмысленный хаос неизвестно чего, т. е. тоже перестанет существовать. Конкретное бытие есть единство и тождество идеи и факта, сущности и явления, сознания и бытия. Эта элементарная диалектика должна быть применима и к числу, поскольку она применима решительно ко всякому виду и типу бытия. Предыдущие рассуждения показали нам, что в сложении и вычитании превалирует, скажем, идея и сущность, факт же и сущность, фактическая субстанция числа остается нетронутой, неподвижной; о ее судьбах ничего не слышно, и о ней не ставится никакого вопроса. В умножении и делении, наоборот, мы переходим в сферу явления, факта, субстанции, внешне-фактического инобытия, ибо как раз ставится вопрос о внешнем воспроизведении числа, о его инобытийной судьбе. Внешнее инобытие, или внешний материал, здесь появляется